

О КОММУНИКАЦИИ, ИНФОРМАЦИИ И СУДЬБЕ РОССИЙСКОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Беседа с Дзялошинским Иосифом Михайловичем - председателем Совета директоров Независимого института коммуникативистики, президентом Правозащитного фонда "Комиссия по свободе доступа к информации" (ПФ "КСДИ")

Уважаемый Иосиф Михайлович! Не все посетители нашего сайта знают, что такое коммуникативистика. Скажите, пожалуйста, несколько слов об этой науке.

Коммуникативистика (Communication science) – относительно молодая отрасль знания, по поводу названия, предмета и методов которой идут весьма оживленные дискуссии. В одних источниках этим словом обозначают науку, изучающую проблемы информационных (сетевых) коммуникаций. В других – гуманитарные аспекты массовых коммуникаций. В третьих указывается, что коммуникативистика изучает гуманитарные аспекты развития любых информационных средств и систем, а также характер, формы и результаты их воздействия на общественную жизнь. Встречаются работы, в которых доказывается, что коммуникативистика отличается от других наук тем, что позволяет перенести основной познавательный акцент с субъектов и результатов коммуникации на сам процесс коммуникации.

Проблемное поле этой дисциплины также описывается очень широко. В него включают все, что так или иначе связано с категорией «информационного общества», начиная от анализа информационных ресурсов и каналов их распространения, воздействия факторов глобального и национального характера на становление информационного общества, конвергенции СМИ, и кончая проблемами информационного неравенства и доступа к информации как важнейшего права человека в информационном обществе.

Еще больший разброс мнений возникает, когда речь идет о практических приложениях коммуникативистики.

В мире существуют сотни журналов и интернет-сайтов, которые посвящены проблемам коммуникативистики. Однако большая часть их рассматривает либо чисто теоретические, либо сугубо прикладные аспекты коммуникативных процессов. Между тем, есть настоятельная потребность осмыслить проблемы, возникающие у практиков, пытающихся использовать теоретические разработки коммуникативистики в своей каждодневной деятельности и, наоборот, проблемы, с которыми сталкиваются теоретики, приступающие к осмыслению реальных (а не лабораторных, идеализированных) коммуникативных процессов.

Именно такую задачу поставили перед собой сотрудники Независимого института коммуникативистики.

Наши исследования сконцентрированы на анализе трех основных технологий коммуникации. Во-первых, это репрессивная, насильственная коммуникация. С ее помощью один человек приказывает другому сделать нечто, что в планы этого другого никак не входит, однако он, по каким-то причинам подчиняется инициатору коммуникации. Почему подчиняется? Как понимает приказание? Как выполняет? Эти интересные вопросы представляют предмет наших исследований.

Во-вторых, – это манипулятивная коммуникация, которая позволяет управлять поведением людей, не прибегая к грубым формам репрессии, но добиваясь при этом куда более впечатляющих результатов. В отличие от репрессивной, насильственной коммуникации, в ходе которой адресат прекрасно понимает, что его насилуют, адресат манипулятивной коммуникации выполняет пожелания инициатора коммуникации с удовольствием, наивно полагая, что это он сам хочет так поступить.

В-третьих, это партнерская, диалогическая, гуманитарная коммуникация, в ходе которой взаимодействующие субъекты не пытаются использовать какие-либо схемы воздействия на сознание и подсознание друг друга, а считают своей коммуникативной задачей максимально полное открытие своих намерений и аргументов.

Цели нашего Независимого института коммуникативистики – перевести эти теоретические модели в некие достаточно надежные теоретически, и самое главное, в методические представления.

Разумеется, главный интерес для нас представляют диалогические коммуникации. На обложке буклета нашего института выделены главные слова: Диалог, Толерантность, мультикультурализм, Партнерство. А миссия НИКа сформулирована следующим образом: «Смысл нашей деятельности – содействовать повышению коммуникативной компетентности людей, то есть готовности и умению вступать в диалог, вместе с другими искать истину и сообщать о результатах своих поисков в форме, понятной каждому, кто в этой истине нуждается».

А как Вы трактуете Интернет-коммуникации?

Интернет представляет собой великолепное техническое устройство для коммуникации. Не больше, но и не меньше. Это параллельная коммуникативная среда. Есть мир живой коммуникации, а есть некое зазеркалье – Интернет. Там присутствуют все те техники коммуникации, которые есть и в обыденной жизни, и в научной коммуникации, и в медийной коммуникации. Никаких особенных отличий в интернет-коммуникациях, по сравнению с иными каналами коммуникации, нет. Человек, который привык материться в жизни, делает то же самое в Интернете. Другое дело, что Интернет дает больше возможностей для использования коммуникативных масок, так ведь и в жизни всегда есть место карнавалу.

Мы провели специальное исследование, чтобы проверить, насколько отличается уровень агрессии в печатных СМИ и в Интернет-изданиях. Особой разницы нет. Есть сайты ненависти, так ведь и печатных фашиствующих изданий многие сотни.

Иосиф Михайлович! Есть ли понятие «искусство общения», на Ваш взгляд, и в чем оно заключается?

Такое понятие есть, но с его помощью обозначают принципиально разные вещи. С одной стороны, с помощью этого понятия обозначают совершенство в использовании различных технологий коммуникации. «Искусный коммуникатор», то есть человек, умеющий эффективно взаимодействовать с разными людьми. Но иногда с помощью этого понятия обозначают такие способы общения, которые опираются на интуицию. И в этом смысле понятие «искусство общения» противопоставляется понятию «технологии коммуникации». Мы много раз обсуждали этот вопрос на наших «интеллектуальных посиделках» (есть такая форма работы в нашем институте) и пришли к выводу, что действительно есть «искусство общения», то есть некие схемы интуитивных практик, которыми люди овладевают без специального обучения, и есть «технологии общения», которым надо и можно учить. Разумеется, «искусство общения» выше «технологии общения»: оно «теплее», человечнее. Но у нас складывается ощущение, то искусство общения – это дар, которым обладают примерно 5-7 % людей. Всех остальных – надо учить. Учить диалогу, учить умению слушать, слышать, понимать, не манипулировать и не применять насилия к партнеру по общению, а пытаться ему открыть себя так, чтобы он тебя понял. Поэтому, не отрицая термина и сути понятия «искусство общения», мы считаем, что сейчас очень важно предложить людям внятные техники партнерских коммуникаций.

Не ведет ли повышение общего уровня культуры к совершенствованию искусства общения?

Если под «искусством общения» понимать совершенство использования способов общения, то да, ведет. Повышение общей культуры человека так или иначе связано с опытом коммуникации, искусностью в технологиях общения. Возрастает культура, возрастает и искусность. Поэтому культурный человек защищен от грубых форм манипуляции. Его не возьмешь простыми схемами. Однако Ваш вопрос затрагивает более широкую проблему. Дело в том, что разные культуры допускают и легитимизируют разные практики коммуникации. Есть культуры, которые запрещают использование насилия и манипуляции. Культура научной дискуссии, например. А есть такие, которые не только допускают, но и поощряют. И вы можете услышать из уст доктора наук, облеченного всеми знаками культурного отличия, изощренный мат. То же ведь знак определенной культуры. Как рассказывает уволенный из НТВ Леонид Парфенов, последнее, что он услышал в свой адрес в стенах компании, в которой он работал со дня ее основания, был мат, - очевидно, в строгом соответствии с представлениями г-на Сенкевича о корпоративной этике.

Поэтому мы исходим из того, что дело не в уровне культуры, а в ее типе. Поэтому мы ратуем за культуру, где будут не разрешены некоторые техники коммуникации

А почему, на Ваш взгляд, агрессивные, насильственные технологии коммуникации пользуются большей популярностью, нежели партнерские?

Это большой и сложный вопрос. С точки зрения коммуникативистики агрессия в общении есть следствие культурно-коммуникативного конфликта между индивидами и социальными группами по поводу реальности в условиях отсутствия положительного эмоционального контакта. Другими словами, интолерантность выступает формой проявления глубоких социальных или коммуникативных противоречий между участниками социально-коммуникативного взаимодействия. Чаще всего причиной конфликтов выступает различие установок и ценностей, полученных людьми в прошлом в качестве традиций и образцов поведения. Есть, разумеется, и другие факторы.

Первый фактор – общая социальная ситуация, в которой живут люди. Трудно быть терпимым, снисходительным, уважительным, если вокруг рвутся мины и стреляют в затылок. Чем выше уровень общественного напряжения, тем выше агрессивность и нетерпимость людей.

Второй фактор - ситуация в конкретном сообществе (семья, трудовой коллектив, дружеская компания), членом которого является индивид.

Третий фактор - специфический тип культуры межличностных и социальных отношений, сложившийся в нашей стране. Если коротко, то агрессия, насилие встроены в культурные матрицы общения. Я об этом довольно много писал, поэтому все желающие могут прочитать соответствующие материалы на нашем сайте.

А в школе, на Ваш взгляд, какой тип коммуникаций? Задаю вопрос под свежим впечатлением: ученики 9 класса приходят на консультацию перед экзаменами в "элитной" школе. Их встречает учительница информатики, сильно выпившая, и говорит: "Ну что, сволочи, консультацию захотели?"

В нашей школе господствует абсолютно репрессивный тип коммуникации. Например, в огромном количестве известных мне педагогических книжках ребенок рассматривается как пассивный приемник ценностей, отсюда и манипуляторская лексика педагогического языка. Говорится о необходимости *сформировать* нравственную личность, *снабдить* жизненными ориентирами, *привить* позитивную реакцию на «хорошие» ценности и негативную — на «плохие». Такой тип ценностного обучения в мировой педагогике называют стереотипизацией, т. е. выработкой стереотипного мышления и поведения, реагирующего на определенные шаблоны или знаки. Методология всем нам памятного «коммунистического воспитания» — наиболее яркий пример такого подхода. Сейчас некоторые преподаватели пытаются заменить коммунистическое воспитание чем-то иным, однако по сути дела занимаются все той же стереотипизацией.

Учителей, которые всерьез и искренне исповедуют партнерские техники коммуникации – единицы. Я много читал об учителях, которые ориентируются на партнерские отношения с учениками, видел массу теоретических работ по этой

проблематике. Но в качестве университетского преподавателя – а я веду занятия в Московском университете с 1980 года – могу сказать, что выпускники школы представляют собой тяжелое зрелище: закомплексованные, зажатые, не умеющие формулировать и выражать свои мысли и чувства. Впрочем, я совсем не хочу обвинять в этом учителей. Кроме школы, есть еще и семья, двор, вся наша жизнь, которая отнюдь не располагает к искренности, открытости и изяществу коммуникации.

А где выход? Что можно сделать, чтобы побудить людей пользоваться (или хотя бы стремиться к этому) диалогической формой коммуникации?

Широкое внедрение в жизненную практику диалогических, толерантных форм взаимоотношений предполагает с одной стороны, глубокие преобразования социально-экономических и политических отношений, а с другой - формирование иной коммуникативной среды, опирающейся на специальные нормы коммуникативной культуры, обеспечивающие толерантность и взаимопонимание людей. Это работа на многие десятилетия.

Я знаю, что в вашем институте занимаются проблемой «Состояние информационного пространства России». Каковы же наши перспективы?

Прежде всего, следует определить само понятие «информационное пространство». «пространство» никто не давал. Хотя словосочетание применяется чрезвычайно широко, его содержание как научного понятия почти не разработано. Без риска ошибиться можно сделать вывод о том, что данное понятие употребляется в своем общем смысле скорее как метафора, чем как строгий научный термин. В содержании данной метафоры можно выделить несколько различных смыслопорождающих моментов.

Первый задается пониманием слова "пространство" как обычного метрического пространства и порождает смысл "информатизированного" физического пространства. Эта метафора, как правило, приобретает геополитический дискурс. С геополитической точки зрения, под информационным пространством понимают некую виртуальную территорию, которая принадлежит государству, является специфическим государственным ресурсом и должна защищаться от возможных агрессоров.

Второй задается метафорическим пониманием "информационного пространства" как пространства определенных информационных взаимодействий. При таком подходе используются категории: «упорядоченная совокупность информационных процессов»; «информационное поле»; «информационно-поисковая система» и т.д. Иногда в качестве информационных пространств интерпретируются используемые в семиотике аналогичные конструкции (знаковые системы, смысловые поля и т.п.). В последнее время появились попытки увязать категорию «информационное пространство» с ноосферной проблематикой.

Наконец, возможен третий дискурс – социальный, в рамках которого информационное пространство рассматривается как сфера отношений между людьми и общностями по поводу информации.

Что касается геополитического подхода, то его сторонники трактуют «информационное пространство» как некую «территорию» и одновременно некий «ресурс», у которых обязательно должен быть «хозяин». В рамках данного подхода у любого пространства есть два главных признака: быть вместилищем чего-то и иметь границы. В геополитическом понимании пространство осваивается, завоевывается, колонизируется. Поэтому так важно точно определять границы информационного пространства и защищать их от посягательства враждебных сил. Именно это и имеют в виду многие из тех, кто активно использует понятие «информационное пространство» и пекутся о его защите.

Еще одна версия осмысления информационного пространства изложена в «Концепции формирования и развития единого информационного пространства России и соответствующих государственных информационных ресурсов». Концепция разработана в 1995 году во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 1 июля 1994 г. № 1390 "О совершенствовании информационно-телекоммуникационного обеспечения органов государственной власти и порядке их взаимодействия при реализации государственной политики в сфере информатизации".

Авторы концепции указывают, что «информационные услуги, ресурсы и программные продукты (информационный потенциал) распространены по территории России крайне неравномерно, причем в основном ими обеспечены центральные области. Это распределение соответствует распределению основных научных и информационных центров России и не учитывает потребности населения и органов управления. Именно поэтому требует скорейшего решения задача выравнивания информационного потенциала. Указанные проблемы можно решить только путем формирования единого информационного пространства России». И далее дается формулировка: «Единое информационное пространство представляет собой совокупность баз и банков данных, технологий их ведения и использования, информационно-телекоммуникационных систем и сетей, функционирующих на основе единых принципов и по общим правилам, обеспечивающим информационное взаимодействие организаций и граждан, а также удовлетворение их информационных потребностей. Иными словами единое информационное пространство складывается из следующих главных компонентов:

- информационные ресурсы, содержащие данные, сведения и знания, зафиксированные на соответствующих носителях информации;
- организационные структуры, обеспечивающие функционирование и развитие единого информационного пространства, в частности, сбор, обработку, хранение, распространение, поиск и передачу информации;
- средства информационного взаимодействия граждан и организаций, обеспечивающие им доступ к информационным ресурсам на основе соответствующих

информационных технологий, включающие программно-технические средства и организационно-нормативные документы.

Организационные структуры и средства информационного взаимодействия образуют информационную инфраструктуру.

Другими словами, для авторов данной Концепции информационное пространство есть некая никому (или всем?) принадлежащая совокупность информационных ресурсов, средств обеспечения их пополнения и обработки, а также механизмов доступа пользователей к этим несметным, как полагают авторы Концепции, богатствам.

В нашем институте в основном занимаются социальными проблемами информпространства. Я имею в виду то обстоятельство, что так называемое информационное пространство «заселено» индивидами и структурами (группами и организациями), соединенными отношениями сбора, производства, распространения и потребления информации. Здесь возникает множество интересных проблем.

Во-первых, тот, кто владеет неким фрагментом информационного пространства, всегда может конвертировать его в иные виды ресурсов. Каков механизм этой конвертации? Каковы социальные последствия? Наши депутаты много лет обсуждают вопрос о приватизации сельскохозяйственных угодий, то есть некоего пространства. А вот вопрос о приватизации информационного пространства волнует гораздо меньше.

Во-вторых, информационное пространство можно рассматривать – с учетом идей французского социолога П.Бурдьё – как место, где распределяются различного вида блага и услуги, а также место, где «живут» агенты этих благ и услуг.

В-третьих, информационное пространство можно рассматривать как арену, на которой происходит взаимодействие занимающих разные позиции и стремящихся к разным целям субъектов, а значит, использовать для описания этих процессов такие понятия, как: «статусы», «ранги», «роли», «амплуа».

Наиболее интересным вопросом в этом контексте является вопрос доступности информации. Именно доступ к информации является наиболее отчетливым индикатором информационного статуса и всегда означает некое преимущество над кем-то; обладание информацией и даже просто обладание возможностью получения информации предполагает наличие субъектов, лишенных этой возможности. Поскольку доступ к информации является одним из важнейших факторов конструирования информационных иерархий, постольку очень важной проблемой является легитимность порядка доступа к информации.

Информационная стратификация рассматривается нами как процесс деления информационного пространства на слои, характеризующиеся разным объемом доступной информации. Неравномерное распределение информации порождается как объективными процессами производства и распределения информации, так и характеристиками субъектов информационных отношений. Неравномерное распределение информации чаще всего является результатом более или менее сознательной политики правящей элиты,

рассматривающей информационное неравенство как важный механизм стабилизации социальной системы.

В самом общем плане можно сказать, что информационная элита – это та часть субъектов информационного пространства, в руках которой сосредоточены позиции, наделенные самым высоким статусом и наибольшими возможностями доступа к информации.

Говоря о тенденциях развития информационного пространства, я бы выделил в качестве основных три: компьютеризацию и интернетизацию, глобализацию, приватизацию.

Что касается компьютеризации и связанного с компьютеризацией процесса интернетизации, то по этому поводу написано так много, что вряд ли здесь можно сказать что-нибудь новое.

Глобализация информационного пространства волнует многих политиков и экспертов. Об этом свидетельствует огромное количество статей и материалов на эту тему, семинаров, круглых столов и конференций. Сторонники информационной глобализации указывают, что появление глобального информационного пространства означает приближение эпохи глобальной экономики, которая будет характеризоваться стиранием географических границ рынков сбыта, появлением распределенных сетевых трудовых ресурсов, кардинальным сближением производства и потребления, открытием новых рынков в новой сфере интеллектуального потребления, что, естественно, повлечет за собой совершенно новые возможности. Для противников информационной глобализации характерны в основном алармистские настроения по принципу: враги окружают. Многих пугает то обстоятельство, что сегодня границы государств, в том числе и границы информационных пространств, становятся все более и более условными.

Однако деваться некуда: все понимают, что войти в глобальное информационное пространство придется и вопрос лишь в том, с какой скоростью и с какими оговорками.

Что бы мы ни понимали под информационным пространством, любому непредвзятому аналитику ясно, что в России это пространство состоит из нескольких секторов. Один из них контролируется частным капиталом и чем дальше, тем больше. Для удобства этот сектор можно обозначить понятием «рыночный сектор информационного пространства» или «информационный рынок». В другом секторе господствует государство и эту часть информационного пространства можно обозначить понятием «государственный сектор информационного пространства».

Примером превращения коммерческих проектов в действенный элемент информационной индустрии при наличии реальной рыночной потребности стала разработка справочно-правовых систем. По некоторым оценкам, в этой сфере в России сейчас занято более десяти тысяч человек. Существует круг стабильных производителей, созданы сильные дистрибьюторские сети, имеются такие инфраструктурные элементы, как конкурсы, семинары, выставки. Важно, что в данном секторе рынка при наличии

конкурирующих систем существуют цивилизованные отношения и сохраняются этические нормы взаимоотношений.

Роль государства в становлении и развитии информационного пространства велика и неоспорима. Вопрос лишь в том, как эту роль видят лица, принимающие решения, и те, кто помогает им понять, что в этом пространстве происходит, и что с ним надо делать. Напомню в этой связи о судьбе Доктрины информационной безопасности, которую много лет разрабатывали, с такой помпой принимали и о которой сейчас никто не вспоминает.

Хочется надеяться, что рано или поздно сообщество специалистов, исследующих и проектирующих информационные процессы, примет идею о том, что должна быть выработана новая концептуальная основа поведения России в информационной сфере, четко ориентированная на новую цель, а именно: не сохранение традиционной, узко российской системы безопасности, в том числе и информационной, а создание нового экономического политического и информационного порядка и системы безопасности наряду с новым психологическим климатом в Большой Европе, конструктивное интегрирование России в мировое информационное сообщество.

Очевидно, что дальнейшие изменения в информационном пространстве будут определяться тем, по какому пути пойдет развитие государства и общества в целом.

Спасибо.